

ВНЕЗАПНО ВСЕ ТО ЖЕ

— Как же я ненавижу теракты, — говорит худенькая медсестра медсестре постарше. — Хочешь жвачку?

Медсестра постарше берет пластинку и кивает.

— Что поделаешь? — говорит она. — Я тоже ненавижу чрезвычайные ситуации.

— Да дело не в чрезвычайных, — настаивает худенькая, — я не против аварий каких-нибудь. Именно теракты, говорю же. От них аж опускается все.

Сидя на скамейке возле родильного отделения, я думаю: «В этом что-то есть». Всего час назад меня, обалдевшего и взволнованного, привез сюда помешанный на чистоте так-

сист: когда у моей жены отошли воды, он испугался, что это попортит ему обивку. И вот я тоскливо сижу в холле, жду, когда врачи пойдут из реанимации обратно в отделения. Все, кроме этих двух медсестер, занимаются пострадавшими от теракта. Схватки у моей жены тоже поутихли. Может быть, даже наш ребенок чувствует, что вся эта затея с появлением на свет сейчас не тянет на чрезвычайную ситуацию. Я иду в кафетерий, мимо меня провозят нескольких раненых на скрипучих каталках. В такси жена кричала как резаная, но эти люди не издают ни звука.

— Вы Этгар Керет? — спрашивает парень в клетчатой рубашке. — Писатель? (Я нехотя киваю.) Это ж надо, — говорит он и вытаскивает из сумки крошечный диктофон. — Где вы были, когда все это произошло? — Увидев, что я колеблюсь, он старается изобразить некоторое сочувствие: — Не спешите. Я на вас не давлею. Вы пережили травму.

— Я не попал в теракт, — объясняю я. — Просто случайно тут оказался. У меня жена рожает.

— А, — говорит он, не пытаясь скрыть разочарования, и отключает диктофон, — поздравляю. — Он усаживается рядом со мной и закуривает.

— Может, вам стоит поговорить с кем-нибудь еще, — предлагаю я, надеясь избавиться-

ся от дыма, которым его «Лаки страйк» дышит мне в лицо. — Я видел, как двоих повезли в неврологию буквально вот сейчас.

— Русские, — отвечает он со вздохом. — Ни слова на иврите не понимают. Кроме того, в неврологию по-любому не пускают никого. Это мой седьмой теракт, я уже все их здешние штуки знаю.

С минуту мы сидим молча. Он моложе меня лет на десять, но уже лысеет. Перехватив мой взгляд, он улыбается:

— Жалко, что вас там не было. Реакция писателя очень бы пригодилась мне для статьи. Что-нибудь нестандартное, чтоб идея была. А то после каждого теракта у кого ни попросишь комментарий — всё одно и то же: «Внезапно как грохнет», «Я не знаю, что это было», «Все оказалось в крови». Сколько можно уже?

— Они не виноваты, — говорю я, — просто все теракты одинаковые. Что тут скажешь нестандартного про взрывы и бессмысленную смерть?

— Хоть убейте — не знаю, — пожимает он плечами. — Это же вы писатель, не я.

Люди в белых халатах потихоньку начинают возвращаться из реанимационного отделения в родильное.

— Вы ведь из Тель-Авива, — говорит репортер, — зачем же вы забрались рожать в эту дыру?

— Мы хотели естественные роды; здешнее отделение...

— Естественные? — перебивает он со смешком. — Что естественного, если какой-то карлик с проводом в пупке выскакивает у твоей жены из влагалища?

Я даже не пытаюсь отвечать.

— Я жене сказал: «Если соберешься рожать — только кесарево, как в Америке. Не хочу, чтобы какой-то младенец всю тебя мне растянул». Сейчас только в примитивных странах вроде нашей женщины рожают как животные. Ладно, пойду я поработаю. — Уже поднимаясь, он на всякий случай закидывает удочку снова: — Может, у вас по-любому есть что сказать про теракт? Для вас что-нибудь изменилось? Типа, как вы назовете ребенка, что-то такое, не знаю... (Я отвечаю извиняющейся улыбкой.) Ну ничего, друган, — говорит он и подмигивает, — пусть все пройдет хорошо.

Шестью часами позже карлик с проводом в пупке выскакивает у моей жены из влагалища и немедленно начинает плакать. Я пытаюсь успокоить его, убедить, что волноваться незачем. Что, когда он вырастет, на Ближнем Востоке все устаканится: наступит мир, терактов больше не будет, а если раз в сто лет и случится какой теракт, рядом непременно окажется кто-нибудь нестандартный, кто-

нибудь с идеями и сможет прекрасно все описать. Сын успокаивается на минуту и задумывается о том, как поступить дальше. Ему положено быть наивным — он же новорожденный, — но даже он не покупается на мою болтовню; поколебавшись секунду, он тихонько икает и снова принимается плакать.